УЧЕНЫЯ

ЗАПИСКИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

КАЗАНСКИМЪ УНИВЕРСИТЕТОМЪ.

1853.

КНИЖКА III.

КАЗАНЬ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1854.

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ

III-й книжки ученыхъ записокъ за 1853 годъ.

—

—

СНОВИДѢНІЕ СЦИПІОНА.

Доктора Алкуина Шарве.

—

Сновидѣніе Сципіона есть, безъ сомнѣнія, одно изъ замѣчательныхъ произведеній Цицерона, какъ по богатству заключающихся въ немъ философскихъ и относящихся къ естествовѣдѣнію идей, такъ и по изложеннымъ въ немъ нравственнымъ правиламъ, которыя и нынѣ, спустя 1900 лѣтъ по смерти автора, имѣютъ и всегда будутъ имѣть высокую цѣну и занимательность. Эти-то достоинства произведенія побудили одного изъ греческихъ авторовъ перевести его на греческій языкъ, а критиковъ и схоліастовъ — писать на него огромные комментаріи, и судьба назначила ему лучшую участь, чѣмъ *республикѣ* Цицерона: между тѣмъ какъ самое Цицероново сочиненіе, *de Republica*, въ 6 книгахъ долгое время почти совершенно пропадало и извѣстно было только по нѣкоторымъ отрывкамъ, приводимымъ другими авторами, — *Сновидѣніе Сципіона*, которое составляетъ отрывокъ изъ 6-ой книги республики, хранилось всегда въ цѣлости и обязано своимъ спасеніемъ *Макробію*, который смотрѣлъ на него,

какъ на отдѣльное сочиненіе, и, основываясь на его характеристическихъ особенностяхъ и содержаніи, извлекъ его изъ хранившейся тогда еще въ цѣлости республики и написалъ на него двѣ большія книги толкованій. Но съ тѣхъ поръ, когда *Анжело Маіо* (въ 1822 г.) въ Ватиканской библіотекѣ, по счастію, открылъ случайно палимпсестъ ([1]), содержавшій въ себѣ почти полное Цицероново сочиненіе de Republica, *Сновидѣніе Сципіона* опять заняло прежнее свое мѣсто — въ концѣ 6-ой книги.

Древніе писатели (какъ напр., Светоній, Сенека, Плиній ст., Геллій, Макробій, а особенно *Лактанцій* и *Августинъ*) очень хорошо знали Цицеронову республику, дѣлали изъ нея извлеченія и ею цитовались. Но съ VII до X вѣка нѣтъ никакихъ слѣдовъ извѣстности республики міру ученому. Папѣ Сильвестру, жившему въ X вѣкѣ, она была еще извѣстна, какъ видно это изъ его 87 письма. Въ XII столѣтіи республика Цицеронова изчезаетъ. Правда, были слухи, будто одна ея рукопись въ Англіи сгорѣла, будто другую когда-то видали въ монастырѣ Риддагсгаузенѣ, близь Брауншвейга, будто наконецъ во время тридцатилѣтней войны третья въ Фульдѣ служила подстилкою для лошадей. Но очевидно, что эти толки странны, чтобъ не сказать, нелѣпы. Гораздо важнѣе для насъ слѣдующее извѣстіе: *Исаакъ Булартъ* (см. Academie des sciences et des arts T. I. p. 87.) въ жизни польскаго канцлера *Іоанна Замойскаго* говоритъ, что въ 1576 году, во время осады Пскова, какіе-то польскіе

([1]) Рукопись на пергаментѣ, на которомъ первоначальный текстъ почти стертъ, а сверху написано другое сочиненіе.

шляхтичи въ сопровожденіи ученаго *Войновскаго* отправились въ Московское государство и тамъ между другими замѣчательными древностями нашли les livres de Cicéron de la république, adressés à Atticus, éscrits en lettres d'or. Это извѣстіе довольно искажено и невѣрно. Но вотъ что несомнѣнно: какой-то курляндскій надворный совѣтникъ Лаврентій Мюллеръ (¹), въ 1581 году, предпринялъ вмѣстѣ съ знаменитымъ въ Польшѣ поэтомъ и ученымъ подстаростою Теребовльскимъ *Іеремією Войновскимъ*, путешествіе въ крымскую Татарію, и Войновскій, странствуя по берегамъ Чернаго моря, нашелъ надгробный памятникъ Овидія съ латинскимъ четырестишіемъ; но еще болѣе онъ обрадовался, получивъ изъ валахской (т. е. молдавской) библіотеки нѣкоторыя рѣдкія рукописи и между прочимъ книги Цицерона: *de Republica ad Atticum*, писанныя на пергаментѣ золотыми буквами, въ оберткѣ и запечатанныя, неизвѣстно какою печатью (²). Эта библіотека была, вѣроятно, та самая, которую молдавскій господарь *Іоаннъ Гераклидъ* собралъ въ своей столицѣ Сосцовѣ или въ Коттанэрѣ при училищѣ. Но

(¹) Polnische, Liefländische, Moskowitische, und andere Historien, so sich unter dem jetzigen König Stephan Bathory zugetragen — von Laurentius Müller. 1585. Frankfurt.

(²) Als der Despot vom Herrn Lasky eingesetzt und der Türkische Gubernator, der Alexander geschlagen worden, hatte der Wolhynische Edelmann Woinusky herrliche schöne *monumenta scripta* bekommen, darunter auch die *libri Ciceronis de republica ad Atticum*, mit goldenen Buchstaben auf Pergament geschrieben waren, in einem Umschlage, so mit einem unbekannten Siegel verpitschiert gewesen, wie man noch sehen konnte; und musste sie etwa ein grosser Herr in Werth gehalten haben.

извѣстно, что І. Гераклидъ былъ сынъ критскаго корабельнаго капитана; родовое его имя — Яковъ Василикъ; а чужую фамилію онъ принялъ въ память своей дружбы съ самосскимъ княземъ Гераклидомъ. Онъ находился нѣсколько времени въ войскѣ Карла V въ Виттенбергѣ, и тутъ познакомился и занимался съ ученымъ Меланхтономъ; жилъ потомъ нѣсколько годовъ въ Римѣ, гдѣ списывалъ рукописи. Сдѣлавшись потомъ (1561 — 1563) господаремъ молдавскимъ, показывалъ большое рвеніе къ наукамъ. Вѣроятно, во время этихъ странствованій, Гераклидъ нашелъ гдѣ нибудь эту рукопись и потомъ хранилъ ее въ своей *библіотекѣ*. Всего вѣроятнѣе, что онъ пріобрѣлъ ее какъ нибудь изъ Польши, гдѣ, какъ извѣстно, находилась одна рукопись республики. А это доказывается тѣмъ, что еще въ 1555 году кардиналъ *Поло* посылалъ туда нарочнаго и обѣщалъ ему 2000 червонцевъ, если онъ тамъ отыщетъ это знаменитое Цицероново произведеніе (¹). Легко можетъ быть, что и нынѣ еще гдѣ нибудь въ тѣхъ странахъ сохранилась рукопись *республики* Цицероновой, и что судьба, скрывавшая отъ насъ до сихъ поръ эту драгоцѣнную книгу, удовлетворитъ когда нибудь вполнѣ нашему желанію, открывъ передъ нами полное Цицероново сочиненіе. Дѣло въ томъ, что несмотря на счастливую находку *А. Маіо*, мы еще не имѣемъ полнаго Цицеронова сочиненія: открытый имъ палимпсестъ, перенесенный изъ Бобіо (въ генуэзскихъ владѣніяхъ) и именно изъ монастыря Св. Колумбана, въ Римъ, въ Вати-

(¹) См. Fabric. biblioth. latina I, 127 et II, 147.

канскую библіотеку, — содержитъ въ себѣ не полную Цицеронову *республику*, а сверху надъ нею написанъ Августиновъ комментарій на псалмы 119 — 141. Палимпсестъ состоитъ изъ 302 листовъ, писанъ очень большими буквами, принадлежитъ, по мнѣнію А. Маіо, вѣроятно, II или III столѣтію, и былъ Августиновымъ комментаріемъ замѣщенъ въ X столѣтіи. Въ самомъ началѣ недостаетъ 34 страницъ; 3-ья, 4-ая и 5-ая книги очень неполны, а изъ 6-ой не осталось ни одного листа.

Я еще въ началѣ настоящей статьи упомянулъ, что *Сновидѣніе Сципіона* было предметомъ разныхъ толкованій и изслѣдованій, и что оно даже переведено было на греческій языкъ. Очень подробно его истолковалъ вышеупомянутый *Макробій*, котораго сочиненіе извѣстно подъ заглавіемъ: Macrobii Ambrosii Theodosii viri consularis et inlustris commentarii in Somnium Scipionis. L. II (ed. Lud. Janus. 1848). Неизвѣстно, откуда родомъ, и какой націи былъ Макробій, Грекъ ли, какъ полагаетъ Эразмъ, или Африканецъ, какъ думаетъ Янъ; извѣстно только, что онъ былъ язычникъ и жилъ въ концѣ IV и началѣ V столѣтія. Его выше упомянутое сочиненіе, также его книга *о различіи и сходствѣ греческаго и римскаго слова* (de differentiis et societate Graeci Latinique verbi) и его *Saturnalia* доказываютъ, что онъ былъ мужъ высшаго образованія, съ богатыми познаніями въ философіи и естественныхъ наукахъ, и что онъ писалъ языкомъ довольно чистымъ для тогдашняго времени.

Другой комментарій — небольшое сочиненіе на 13 страницахъ, написалъ *Фавоній* подъ заглавіемъ: Favonii Eulogii

disputatio de Somnio Scipionis (ed. Orellius. Tom V, 1.). Объ немъ намъ извѣстно только то, что онъ былъ риторомъ въ Карѳагенѣ, ученикомъ и современникомъ Св. Августина. Въ своемъ сочиненіи онъ излагаетъ, для объясненія Цицерона, — Пиѳагорово ученіе о числахъ и о звукахъ небесныхъ круговъ.

Кромѣ этихъ ученыхъ толкованій, есть еще переводъ Сновидѣнія Сципіона на греческій языкъ. До сихъ поръ приписывали (¹) этотъ переводъ *Ѳеодору Газа* (Theodorus Gaza); но это несправедливо. Заблужденіе произошло отъ того, что въ Альдиновой рукописи находится составленный Ѳеодоромъ переводъ Цицеронова Катона «de senectute», и также переводъ Сновидѣнія Сципіона, но безъ имени переводчика; потому-то и думали, что этотъ послѣдній переводъ принадлежитъ также Ѳеодору. Но, безъ сомнѣнія, его должно приписать *Планиду* (Maximus Planudes); 1) ибо большинство Кодексовъ принадлежитъ къ XIV столѣтію, въ которомъ жилъ Планудъ, а Ѳеодоръ умеръ въ 1478 г.; 2) кромѣ этого Планудъ переводилъ тоже Макробіевъ комментарій, и мы находимъ тѣже слова и выраженія въ томъ и другомъ сочиненіи; 3) слогъ этого перевода сходенъ съ другими его переводами (напр. Овидія), только тщательнѣе отдѣланъ; 4) нѣкоторые кодексы явно носятъ на себѣ имя Плануда (²). Чтобы вѣрнѣе судить о достоинствѣ и недостаткахъ его перевода, я представлю здѣсь начало и конецъ Цицеронова оригинала и Планудова перевода.

(¹) См. Fabric. bibl. Gr. T. X p. 393. — Harles Lit.
(²) См. Hess. Praef. p. XI. in M. T. Ciceronis Catone. Halis. 1833 a. — Dissertatio de latine scriptis, quae Graeci veteres in linguam suam transtulerunt. scr. Weber. 1852 a.

Ἡνίκα περὶ τὴν Ἀφρικὴν ἀφικόμην, Ἀντίου Μανλίου ὑπατεύοντος, ἐπὶ τὸ τέταρτον τάγμα, δήμαρχος, ὡς ἴστε, τῆς στρατιᾶς, οὐδέν μοι γέγονε προὔργου μᾶλλον, ἢ Μασηνίσσᾳ τῷ βασιλεῖ συνελθεῖν, τῆς ἡμετέρας οἰκίας ἐξ αἰτιῶν δικαίων φίλῳ μάλιστα πάντων τυγχάνοντι.

Πρὸς ὃν ἐλθόντα με περιβαλὼν ὁ γέρων αὐτὸς οὗτος ἐδάκρυσε, καὶ μεθ' ὅσον ἀναβλέψας εἰς οὐρανὸν, χάριτάς σοι, φησὶν, ὕψιστε Ἥλιε, ἔχω, καὶ ὑμῖν τοῖς ἄλλοις θεοῖς, ὅτι πρὶν ἢ τοῦδε τοῦ βίου μεταστῆναι, ὁρῶ ἐπὶ τῆς ἐμαυτοῦ βασιλείας καὶ τῶν οἰκημάτων τούτων Παῦλον Κορνήλιον τὸν Σκιπίωνα, οὗ αὐτὸς ἐγὼ τῷ ὀνόματι ἀναζωπυροῦμαι, οὕτως οὐκ ἔστιν ὅτε μοῦ τῆς διανοίας ἀποκεχώρηκεν ἡ τοῦ ἀρίστου ἐκείνου καὶ πρᾳοτάτου ἀνδρὸς μνήμη.

—

Ταύτην σὺ γύμναζε ἐν βελτίστοις πράγμασιν· εἰσὶ δ' αὗται φροντίδες ἄρισται αἱ περὶ σωτηρίας τῆς ἐνεγκαμένης· αἷς ἡ ψυχὴ κινουμένη τε καὶ γυμναζομένη θᾶττον εἰς τήνδε τὴν λῆξιν καὶ τὸν ἑαυτῆς ἀναπτήσεται οἶκον· καὶ τοῦτο δ' ἂν κούφως ποιήσειεν, εἴπερ, ἡνίκα ἂν ἐγκεκλεισμένη

Cum in Africam venissem M. Manilio consuli ad quartam legionem tribunus, ut scitis, militum; nihil mihi potius fuit, quam ut Masinissam convenirem, regem familiae nostrae iustis de causis amicissimum.

Ad quem ut veni, complexus me senex collacrimavit, aliquantoque post suspexit in coelum, et, Grates, inquit, tibi ago, summe Sol, vobisque reliqui coelites, quod, ante quam ex hac vita migro, conspicio in meo regno et his tectis P. Cornelium Scipionem, cuius ego nomine ipso recreor: ita nunquam ex animo meo discedit illius optimi atque invictissimi viri memoria.

—

Hanc (animam) tu exerce in optimis rebus; sunt autem optimae, curae de salute patriae: quibus agitatus et exercitatus animus velocius in hanc sedem et domum suam pervolabit. Idque ocius faciet, si iam tum, cum erit inclusus in corpore, eminebit foras,

τῷ σώματι, ἔξω προκύπτῃ, καὶ τὰ ἐκτὸς ὄντα κατανοοῦσα πλεῖστον ὅσον ἑαυτὴν ἐξέλκοι τοῦ σώματος.

Αἱ γὰρ ψυχαὶ τῶν ἑαυτοὺς ταῖς ἡδοναῖς ἐκδεδωκότων τοῦ σώματος, αἱ τούτων ἑαυτὰς οἱονεί τινας παρέδωκαν ὑπηρετίδας, καὶ τῇ τῶν ἐπιθυμιῶν ῥύμῃ ταῖς ἡδυπαθείαις ὑπέκυψαν, καὶ θεῶν, καὶ ἀνθρώπων δίκαια κατεπάτησαν, ἐξελθοῦσαι τοῦ σώματος, περὶ τὴν γῆν αὐτὴν κυλινδοῦνται· καὶ οὐδ᾽ ὁτιοῦν πρὸς τουτονὶ τὸν χῶρον, ὅτι μὴ πολλοῖς αἰῶσι δίκας εἰςπραχθεῖσαι, ἐπανακάμπτουσι.

Καὶ ὁ μὲν ἀνεχώρησεν· ἐγὼ δὲ τοῦ ὕπνου εὐθὺς ἀπελύθην.

et ea, quae extra erunt, contemplans, quam maxime se a corpore abstrahet.

Nam eorum animi, qui se corporis voluptatibus dediderunt, earumque se quasi ministros praebuerunt, impulsuque libidinum voluptatibus obedientium, deorum et hominum iura violaverunt, corporibus elapsi circum terram ipsam volutantur; nec hunc in locum, nisi multis agitati saeculis, revertuntur.

Ille discessit; ego somno solutus sum.

Изъ этихъ двухъ отрывковъ видно, что *Планудъ* писалъ уже въ то время, когда греческій языкъ склонялся къ своему упадку: и слова, и формы, и выраженія показываютъ испорченный вкусъ; и хотя онъ переводилъ почти слово въ слово, но смыслъ у него часто отличенъ отъ подлинника; иногда онъ вноситъ въ текстъ для объясненія свои слова, иногда же пропускаетъ совершенно нѣкоторыя слова текста. Впрочемъ можно полагать, что онъ имѣлъ предъ глазами другое изданіе, а не то, которое намъ теперь извѣстно. Тоже почти самое можно сказать и о его греческомъ переводѣ комментарія Макробіева.

Несомнѣнно, что Цицеронъ въ своемъ сочиненіи подражалъ Платону; потому что какъ Цицеронъ въ своей *рес-*

публикѣ, такъ и Платонъ въ своей *политіи* (*πολιτεία*) избрали *для* изложенія форму разговора между выведенными ими на сцену лицами. И тотъ и другой изъ различныхъ родовъ правленія отдаетъ преимущество монархіи, и оба заключаютъ свои сочиненія описаніями небесныхъ круговъ и предвѣщаніемъ безсмертія души и будущихъ благъ, ожидающихъ насъ въ другомъ мірѣ за добродѣтельную нашу жизнь здѣсь на землѣ, а особенно въ государствѣ. Но разница между ними въ томъ, что Платонъ, въ своей *политіи* излагаетъ начала, по которымъ государство можетъ быть наилучшимъ образомъ устроено, и развиваетъ мысль, что правитель его долженъ быть философомъ, его защитники храбрыми, судьи справедливыми, а ремесленники умѣренными, и что вполнѣ совершенное государство можетъ создаться изъ соединенія четырехъ коренныхъ добродѣтелей: мудрости (*σοφία*), храбрости (*ἀνδρεία*), справедливости (*δικαιοσύνη*), и умѣренности (*σωφροσύνη*); наградою же нашей добродѣтели будетъ безсмертіе души. Въ доказательство этого онъ приводитъ разсказъ какого-то памфилійскаго воина, *Эра*, который палъ въ сраженіи, пораженный многими ранами, и послѣ 12 дней возвратился изъ горняго міра ко времени сожиганія своего тѣла, и описалъ своимъ товарищамъ небесное устройство, пути звѣздъ и блаженство будущей жизни, ожидающей ихъ за государственныя заслуги. Цицеронъ, напротивъ, не вдаваясь въ устройство идеальнаго государства, разсматриваетъ въ 1-ой книгѣ три рода правленій: монархическій, аристократическій и демократическій, и, показавъ ихъ достоинства и недостатки, отдаетъ преимущество монархіи. Во 2-ой книгѣ онъ

излагаетъ исторію римскаго государства, занимаясь преимущественно временемъ семи царей, и представляя тогдашнее государство образцовымъ. Въ 3-ьей книгѣ онъ разсуждаетъ о справедливости; въ 4-ой о римскихъ законахъ; въ 5-ой о знаменитѣйшихъ государственныхъ мужахъ; а изъ 6-ой остался только *Somnium Scipionis*, сохранившійся, благодаря Макробію.

Цицеронъ написалъ свою книгу *о республикѣ* на 54-мъ году своей жизни въ 54-мъ г. до Р. Х., въ лѣтнюю пору, когда, для отдыха, онъ жилъ на дачѣ Помпея, Куманѣ. Перемѣнивъ сначала нѣсколько разъ планъ своего сочиненія (1), какъ это видно изъ его писемъ, онъ остановился на томъ, что рѣшился вывести на сцену, для изложенія, какъ своихъ теоретическихъ началъ, такъ и вообще римскихъ учрежденій и нравовъ, девять разговаривающихъ собесѣдниковъ, жившихъ въ то время, когда Римъ достигъ вершины своего могущества, когда Сципіонъ младшій постановилъ при торжественномъ жертвоприношеніи просить боговъ, « non jam ut augerent Romanam fortunam, sed ut conservarent » (2), т. е. чтобы боги не увеличивали уже римскихъ владѣлій, но хранили бы пріобрѣтенныя.

Разговоръ происходитъ въ годъ смерти *Сципіона младшаго*, т. е. въ 129-мъ г. до Р. Х., и притомъ въ то время, когда Сципіонъ и 8 другихъ собесѣдниковъ составили дружескій кругъ для торжественнаго отправленія трехъ латинскихъ

(1) См. введеніе А. Маіо къ Цицероновой республикѣ, изд. 1822 г.
(2) См. Valer. Maxim. IV, 1,10.

праздниковъ. И вотъ на жалобу *Лелія*, что *Назикъ* (дядѣ Сципіона) за всѣ его заслуги, не поставили публичной статуи, Сципіонъ отвѣчаетъ, что высокая добродѣтель не ищетъ ни статуй, ни тріумфовъ, ни увядающихъ лавровъ, но стремится къ постояннѣйшимъ, никогда не увядающимъ и не преходящимъ наградамъ. — Какія же это награды? — спрашиваетъ Лелій. —

Такъ позвольте мнѣ, говоритъ Сципіонъ, въ этотъ третій праздникъ............. здѣсь текстъ прерывается и прямо начинается

СНОВИДѢНІЕ СЦИПІОНА.

I.

Когда я пріѣхалъ въ Африку, будучи у консула М. Манилія, какъ вамъ извѣстно, военнымъ трибуномъ при четвертомъ легіонѣ: то первою моею заботою было свидѣться съ царемъ Масиниссою, который имѣлъ священную обязанность быть другомъ нашего дома. Какъ скоро я къ нему пришелъ, старецъ, обнявши меня, пролилъ слезы и взглянувъ потомъ на небо, сказалъ: благодарю тебя, высшее Солнце и всѣхъ васъ боговъ, за то, что, предъ моимъ отшествіемъ изъ этой жизни, я въ моемъ царствѣ и подъ этою кровлею вижу П. Корнелія Сципіона, отъ одного име-

ни котораго я снова оживаю: да неоставляетъ меня никогда память объ этомъ превосходномъ и непобѣдимомъ мужѣ (*Африканѣ старшемъ*). Потомъ я его разспрашивалъ о его царствѣ, а онъ меня про нашу республику, и мы провели весь тотъ день въ разговорахъ между собою. За тѣмъ началось царское угощеніе, во время и послѣ котораго мы продолжали нашъ разговоръ до глубокой ночи, потому что старецъ ни объ чемъ не говорилъ, кромѣ какъ объ Африканѣ (т. е. *Сципіонѣ старшемъ*) и перебралъ не только всѣ его дѣла, но даже слова. Когда мы потомъ отошли на ночное успокоеніе; то я, утомленный дорогою и бодрствованіемъ, впалъ въ необыкновенно глубокій сонъ. Во снѣ (я думаю по связи съ тѣмъ, что мы говорили на яву: вѣдь нерѣдко случается, что наши думы и рѣчи во снѣ возраждаются, какъ это доказываетъ примѣръ Эннія, который видѣлъ Гомера въ сновидѣніяхъ, потому что на яву часто думалъ о немъ и говорилъ), — во снѣ, говорю, мнѣ явился Африканъ въ томъ видѣ, который мнѣ болѣе знакомъ по его портрету, чѣмъ изъ дѣйствительности. Лишь только я его узналъ, страхъ объялъ меня. Но онъ сказалъ мнѣ: Сципіонъ! будь спокоенъ, не бойся ничего — и внимай моимъ словамъ.

II.

Видишь-ли, что тотъ городъ, который мною былъ принужденъ повиноваться римскому народу, теперь возобновляетъ прежнія войны и не можетъ оставаться въ покоѣ

(и онъ съ высокаго и усѣяннаго звѣздами, свѣтлаго и блестящаго пространства указалъ на Карѳагенъ); для завоеванія его ты теперь приходишь сюда, будучи чуть не простымъ воиномъ. Ты его низвергнешь черезъ 2 года, будучи консуломъ и самъ пріобрѣтешь себѣ то прозваніе, которое теперь отъ насъ получилъ наслѣдственно. Послѣ же разрушенія Карѳагена, отпраздновавъ великолѣпный тріумфъ, ты будешь цензоромъ; потомъ, объѣхавъ въ качествѣ легата Египетъ, Сирію, Азію и Грецію, ты будешь въ отсутствіе твое вторично избранъ консуломъ, и окончишь величайшую войну, истребивъ Нуманцію. Но когда ты въѣдешь на колесницѣ въ Капитоліумъ; то найдешь республику возмущенною совѣтами моего внука. Здѣсь, Африканъ, ты долженъ показать весь свѣтъ твоего ума, генія и совѣта. Но я предвижу что-то роковое въ событіяхъ этого бурнаго времени. Когда ты проживешь семью-восемь солнечныхъ теченій и возвращеній, когда оба эти числа (изъ которыхъ и то и другое, каждое по особымъ причинамъ, полно) въ естественномъ кругообращеніи свершатъ роковую твою сумму: къ тебѣ одному и къ твоему имени обратится все государство: на тебя будутъ взирать и сенатъ, и всѣ благомыслящіе, и союзники, и Латинцы: ты будешь единственнымъ человѣкомъ, служащимъ опорою благоденствія государства; однимъ словомъ, если ты избѣгнешь нечестивыхъ рукъ твоихъ родственниковъ, то, какъ диктаторъ, возстановишь республику.

Когда, при этихъ словахъ, Лелій воскликнулъ и прочіе (*собесѣдники*) завопили, Сципіонъ кротко улыбаясь, ска-

залъ: «прошу васъ не пробуждать меня отъ сна и не прерывать моего сновидѣнія. Слушайте остальное»: —

III.

Но чтобы ты былъ бодрѣе, при защитѣ республики, такъ знай, Африканъ, что всѣмъ, которые отечество охраняли, поддерживали и увеличивали, — назначено на небѣ извѣстное мѣсто, гдѣ они, блаженствуя, наслаждаются вѣчною жизнію. Ибо тому вышнему Богу, который управляетъ всѣмъ этимъ міромъ, нѣтъ ничего пріятнѣе изъ случающагося на землѣ, какъ соединеніе и собраніе людей въ одно цѣлое, называемое государствомъ: правители каждаго изъ государствъ и хранители отсюда выходятъ и сюда же возвращаются.

Тутъ я, хотя и былъ встревоженъ не столько страхомъ смерти, сколько коварствомъ моихъ родственниковъ, однако же спросилъ: но живъ ли онъ самъ и отецъ мой, Павелъ и другіе, которыхъ мы считаемъ усопшими?

— Конечно, отвѣчалъ онъ, тѣ живутъ, которые изъ тѣлесныхъ узъ, какъ будто изъ темницы, вылетѣли: ваша же жизнь, какъ вы ее называете, есть смерть. Вотъ смотри на твоего отца, Павла... онъ идетъ къ тебѣ..

Увидѣвши его, я горько заплакалъ. Но онъ, обнимая и цѣлуя меня, не давалъ мнѣ плакать. И какъ только рыданія мои уменьшились, я сказалъ: почтеннѣйшій и безцѣннѣйшій мой родитель! такъ какъ здѣсь только (*дѣйствительно*) живутъ, какъ я слышу отъ Африкана, — на что же я остаюсь на землѣ? Что же я не спѣшу къ вамъ?

— Это невозможно, отвѣчалъ онъ: если тотъ Богъ, котораго храмъ все то, что ты видишь, не освободитъ тебя отъ твоихъ тѣлесныхъ оковъ, тебѣ входъ сюда неприступенъ. Ибо люди рождены для того, чтобы сторожить тотъ шаръ, который ты видишь въ срединѣ этого храма и который называется землею; и имъ дана душа изъ тѣхъ вѣчныхъ огней, которые вы называете созвѣздіями и звѣздами. Онѣ шарообразны, круглы и одушевлены божественнымъ умомъ и совершаютъ свои круги и обращенія съ удивительною скоростію. И поэтому нужно и тебѣ, Публій, и всѣмъ благочестивымъ удержать душу въ узахъ тѣлесныхъ и безъ приказанія того, кто вамъ ее далъ, не переселяться изъ земной жизни, чтобы не показать, что вы избѣгаете обязанности, Богомъ вамъ назначенной. Нѣтъ, Сципіонъ, почитай, также какъ и вотъ этотъ дѣдъ твой и какъ я, твой отецъ, справедливость и благочестіе; добродѣтели эти важны для благоденствія родителей и родственниковъ, но еще важнѣе для отечества. Вотъ такая-то жизнь ведетъ въ это небо и въ это собраніе мужей, которые уже жили и, освободившись отъ тѣла, обитаютъ въ видимомъ тобою пространствѣ. (А это былъ блестящій кругъ, самый свѣтлый между огнями). Его вы называете, по ученію Грековъ, млечнымъ кругомъ. — Моимъ взорамъ представилось оттуда все въ видѣ великолѣпномъ и чудесномъ. А это были звѣзды, которыхъ мы никогда съ земли не видимъ, и всѣ онѣ такъ велики, какъ мы того никогда не подозрѣвали: изъ нихъ меньшая была крайная на небѣ и самая близкая къ землѣ, она свѣтитъ заимствованнымъ свѣтомъ (т. е. *мѣсяцъ*). А

шары звѣздъ превышаютъ много величину земли. Самая земля показалась такою маленькою, что мнѣ жаль стало нашего государства, которое на ней занимаетъ одну точку.

IV.

Когда я сталъ всматриваться въ нее, Африканъ сказалъ: долго ли твой умъ будетъ прикованъ къ землѣ? Развѣ ты не видишь, въ какой храмъ ты пришелъ? Вся вселенная состоитъ изъ 9 круговъ, или, правильнѣе сказать, шаровъ, изъ которыхъ небесный, крайній, объемлющій всѣ прочіе есть самъ вышній Богъ, который прочіе связываетъ и содержитъ; въ немъ утверждены вѣчные пути обращающихся звѣздъ, ему подчинены семь (*круговъ или шаровъ*) вертящихся обратно и противу небесной сферы. Изъ нихъ одинъ шаръ, тотъ, который на землѣ называется Сатурномъ. За нимъ слѣдуетъ то полезное и благодѣтельное для рода человѣческаго свѣтило, которое называется Юпитеромъ; потомъ то красноватое и страшное для земли свѣтило, которое вы зовете Марсомъ. Между ними почти среднее мѣсто занимаетъ Солнце, вождь, начальникъ и управитель прочихъ звѣздъ, разумъ и уставъ міра; оно такъ велико, что все своимъ свѣтомъ освѣщаетъ и наполняетъ. За нимъ слѣдуютъ Венера и Меркурій: въ самомъ нижайшемъ кругу обращается Луна, зажженная солнечными лучами. А подъ ней уже все смертно и тлѣнно, исключая только душъ, данныхъ человѣческому роду въ подарокъ отъ боговъ: надъ Луною все вѣчно. — Ибо девятая звѣзда, Земля, находится въ

центрѣ, стоитъ недвижима, есть самая нижняя, и къ ней стремится все, привлекаемо силою притяженія.

V.

Разсмотрѣвъ все это съ изумленіемъ, я опять собрался съ духомъ и спросилъ: что это за сильный и пріятный звукъ поражаетъ мой слухъ?

— Этотъ звукъ, отвѣчалъ онъ, образуется отъ вращенія и движенія самыхъ круговъ, которые, бывъ размѣщены въ неравномъ, но соразмѣрномъ, между собою разстояніи, производятъ болѣе или менѣе высокіе или низкіе тоны и образуютъ правильно разныя гармоніи. Не могутъ же такія большія движенія происходить, не издавая звуковъ, и естественно, что крайнія планеты издаютъ низкіе, а ближнія — высокіе звуки. И потому высшій кругъ звѣздоноснаго неба, обращеніе котораго всѣхъ быстрѣе, двигается, издавая острые и высокіе звуки, а низшій, лунный — самые густые; земля же, девятый кругъ, неподвижная, находится всегда въ самомъ низу и занимаетъ центральное мѣсто въ мірѣ. — Но эти 8 круговъ, между которыми у двухъ (Меркурія и Венеры) одинаковая сила, производятъ семь различныхъ, по разстоянію, звуковъ, и это число (*семь*) есть связь всѣхъ вещей. Этому подражали артисты на струнахъ и въ пѣніи и тѣмъ открыли себѣ возвратный путь въ это мѣсто; этому же подражали и другіе, одаренные возвышенными способностями и занимавшіеся въ земной жизни божественными (т. е. *высшими*) науками. Слухъ людей, пораженный этими звуками, огрубѣлъ, и нѣтъ у васъ

чувствованія тупѣе этого: точно такъ въ той странѣ, которая называется Катапуда, — гдѣ Нилъ низвергается съ превысокихъ горъ — народъ, населяющій ту мѣстность, лишенъ, по причинѣ ужаснаго шума, способности слышать. Этотъ же звукъ, произведенный самымъ быстрымъ вращеніемъ всего міра, такъ силенъ, что уши людей его выносить не могутъ; также вы не можете смотрѣть прямо на солнце, потому что его лучами ваше зрѣніе ослѣпляется.

VI.

Пораженный всѣмъ слышаннымъ, я однако же опять устремилъ глаза на землю. — Тогда Африканъ сказалъ: я вижу, что ты и теперь еще разсматриваешь мѣстопребываніе и жилище людей: если оно тебѣ кажется столь мелкимъ, какъ оно въ самомъ дѣлѣ есть; то всегда обращай твои взоры горѣ, на это небесное жилище и презирай дольнее, людское. — Какую же извѣстность, или какую желаемую славу можешь ты пріобрѣсти отъ людскихъ рѣчей? Ты видишь, что на землѣ люди живутъ въ небольшихъ и ограниченныхъ мѣстахъ, и что между этими, похожими на пятна, мѣстами, гдѣ живутъ люди, лежатъ большія пустыни: и что тѣ, которые населяютъ землю, не только такъ раздроблены, что между ними отъ одного къ другому ничто не можетъ переходить; но что и отчасти одни къ вамъ стоятъ косо, другіе задомъ, а третьи даже напротивъ, и что вы, по крайней мѣрѣ отъ нихъ, не можете ожидать себѣ никакой славы и почета.

Далѣе, — ты видишь, что эта земля объята и окружена какими-то поясами: изъ нихъ два, всего дальше другъ отъ друга отстоящіе, упираются съ обѣихъ сторонъ на самые небесные полюсы и окостенѣли льдомъ; а этотъ средній (*поясъ*) разгоряченъ жаромъ солнца. Два (*пояса земли*) удобны для житья: изъ нихъ одинъ, южный, (обитаемый людьми, которые обращаютъ свои стопы насупротивъ васъ) не имѣетъ никакого съ вами сношенія: а другой, лежащій подъ Аквилономъ, есть жилище ваше. — Посмотри, какая незначительная его часть вамъ принадлежитъ. Ибо вся земля, которую вы населяете, — узкая въ полюсахъ, широкая по бокамъ — есть что-то въ родѣ небольшаго острова, облитаго тѣмъ моремъ, которое на землѣ вы называете то Атлантическимъ, то Великимъ, то Океаномъ. Но ты видишь, какъ малъ онъ, при всемъ своемъ громкомъ имени. Развѣ могло изъ этихъ обитаемыхъ и извѣстныхъ странъ твое или чье нибудь наше имя перейти черезъ Кавказъ, котораго вершины ты видишь, или черезъ Гангесъ? .... Кто же услышитъ твое имя въ остальныхъ восточныхъ и западныхъ или въ сѣверныхъ и южныхъ странахъ? Конечно, ты видишь, что, за исключеніемъ ихъ, наша слава можетъ распространиться только въ тѣсныхъ предѣлахъ. А тѣ самые, которые васъ прославляютъ, долго-ли объ васъ будутъ говорить?

VII.

Даже если бы дѣти будущаго поколѣнія и захотѣли дальше передать своимъ потомкамъ отъ отцевъ дошедшую

славу кого нибудь изъ насъ; — все же мы не можемъ по причинѣ наводненій и земныхъ пожаровъ, которые въ извѣстное время должны случиться, разсчитывать не только на вѣчную, но даже и на долговременную славу.

— А что прибыли, что твои потомки объ тебѣ говорятъ, когда о нашихъ предкахъ нѣтъ никакой рѣчи? А ихъ число не мало, и это были навѣрно превосходные мужи. И особенно, когда между тѣми, у которыхъ наше имя можетъ быть извѣстнымъ, никто не можетъ опредѣленно понимать истиннаго значенія слова: *годъ*. Люди измѣряютъ годъ по вращенію солнца, т. е., одной только звѣзды: но когда всѣ созвѣздія обратно туда возвратятся, откуда изошли, и, спустя много времени, тотъ же порядокъ на небѣ возстановятъ: тогда годъ можетъ называться дѣйствительнымъ годомъ: я едва смѣю сказать, сколько человѣческихъ столѣтій въ немъ содержится. Людямъ показалось, что солнце затмилось и погасло, когда душа Ромула вошла въ этотъ самый храмъ. Такъ знай же, что тогда только годъ кончится, когда солнце на томъ же самомъ мѣстѣ и въ то же самое время затмится, и всѣ знаки и звѣзды къ тому же самому началу возвратятся. Но вѣдь, изъ него и двадцатая часть еще не прошла.

И вотъ, если ты сѣтовалъ о медленности возвращенія въ это мѣсто, къ которому должны стремиться всѣ великіе и отличные мужи: то что же тогда значитъ та слава людей, которая едва можетъ простираться на малѣйшую часть одного года?

И такъ, если ты хочешь обратить твои взоры горѣ,

на это мѣсто и вѣчное жилище: то не поддавайся рѣчамъ людскимъ и не надѣйся на одни твои дѣла въ видахъ людскихъ наградъ. Нѣтъ, добродѣтель должна сама по себѣ, своею красотою тебя привлекать къ истинной славѣ. Что другіе о тебѣ говорятъ, — это ихъ дѣло: а говорить они все же будутъ. Всякая же ихъ рѣчь заключается только въ тѣсныхъ предѣлахъ тѣхъ странъ, которыя ты видишь, и никогда ни для кого она не была вѣчною; она исчезаетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ людей и теряется въ отдаленномъ потомствѣ.

VIII.

Выслушавъ его, я сказалъ: — Африканъ! если путь въ небо открывается блестящими заслугами отечеству; то я, хотя отъ младенчества шелъ по отцовскимъ и твоимъ стопамъ и вашей славы не уменьшалъ, но теперь, имѣя въ виду такую великую награду, буду гораздо неусыпнѣе подвизаться.

— Постарайся, отвѣчалъ онъ, — и помни, что не ты смертенъ, но одно твое тѣло. Ибо сущность твоя не въ этой видимой формѣ, не въ этомъ осязаемомъ тѣлѣ, но въ душѣ. Знай же, что ты божественъ, т. е., если можно назвать божествомъ то, что живетъ, что чувствуетъ, что понимаетъ, что предвидитъ, что такъ этимъ тѣломъ управляетъ, такъ его умѣряетъ и движетъ и надъ нимъ господствуетъ, какъ тотъ вышній Богъ міромъ. Какъ вѣчный Богъ управляетъ міромъ, отчасти смертнымъ: такъ и вѣчная душа — бреннымъ тѣломъ.

То, что всегда движется, вѣчно: но что сообщаетъ свое движеніе другому, а само подвигнуто другимъ, должно кончить свою жизнь, когда движеніе окончится. И такъ только то, что само себя движетъ, какъ всегда самосущее, никогда не перестаетъ двигаться: да и другимъ оно служитъ и источникомъ и началомъ движенія.

А начало не раждается: ибо все происходитъ изъ начала, а самое начало не можетъ изъ другой вещи родиться: ибо то не можетъ быть началомъ, что происходитъ отъ чего либо. А если оно никогда не раждается, то никогда не можетъ и гибнуть. Ибо начало погасшее не будетъ ни отъ другаго возрождаться, ни другое производить, потому что все должно происходить изъ начала.

И поэтому начало движенія есть то, что само собою движется: а это начало не можетъ ни раждаться ни гибнуть,— или все небо (т. е. *если бы первоначальная сила остановилась*) должно бы рушиться, или вся природа остановиться, и, остановившись, она не нашла бы другой силы, которая привела бы ее опять въ движеніе.

IX.

И такъ если ясно, что то вѣчно, что само собою движется: то кто же можетъ отрицать, что душамъ это качество не дано? А бездушно все то, что движется внѣшнею силою: напротивъ, все оживленное возбуждается внутреннимъ и собственнымъ движеніемъ. Это исключительная натура и сила души. И если она единственная изъ всѣхъ, которая сама себя движетъ, то она навѣрно не рождена, а вѣчна.

Устреми же ее къ доблестнымъ подвигамъ. А лучшіе наши подвиги — заботы объ отечествѣ: чѣмъ больше душа ими проникнута и занята, тѣмъ она скорѣе вознесется въ это блаженное мѣстопребываніе.

И скорѣе она достигнетъ этой цѣли, если она, еще облеченная плотію, будетъ знакомиться и возноситься къ міру горнему.

Души тѣхъ, которые, предаваясь тѣлеснымъ удовольствіямъ, имъ потворствовали и управлялись страстями, оскорбляли божественныя и человѣческія права, по выходѣ изъ тѣла кружатся около земли и возвращаются въ это мѣсто (*мѣсто небожителей*) только послѣ мученій, долженству ющихъ продолжаться нѣсколько столѣтій.

Онъ ушелъ, а я проснулся ....

—

Повторяемъ мысль, которою мы начали нашу статью: *Сновидѣніе Сципіона* есть одно изъ самыхъ занимательнѣйшихъ произведеній великаго римскаго оратора въ отношеніяхъ: и беллетристическомъ и чисто эстетическомъ. Мало того: это есть живая картина, ярко изображающая и многіе историческіе факты, и космологическую, и психологическую, и нравственную теоріи, господствовавшія во время Цицерона; послѣдняя изъ этихъ теорій, неоспоримо, имѣетъ міровое значеніе. — Для большей части читателей, по всей вѣроятности, многія мѣста и легкіе намеки этого творенія будутъ не совсѣмъ понятны и вразумительны. Потому, желая сдѣлать его доступнымъ не только для ученыхъ, но и для всѣхъ

вообще читателей, я рѣшился объяснить нѣкоторыя изъ его важнѣйшихъ и многозначительнѣйшихъ мѣстъ, преимущественно руководствуясь толкованіями Макробія и Фавонія. — Но для ясности толкованія, считаю нужнымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о главномъ дѣйствующемъ лицѣ, Сципіонѣ.

1.

Очеркъ біографіи Публія Корнелія Сципіона Эмиліана Африканскаго младшаго.

Луцій Павелъ Эмилій, побѣдитель македонскаго царя Персея, сынъ того самаго консула Павла Эмилія, который былъ разбитъ Аннибаломъ и палъ въ несчастномъ для Римлянъ сраженіи при Каннахъ, былъ отцемъ двухъ сыновей: Квинта и Публія. Оба они были усыновлены другими семействами, — первый семействомъ Фабіевъ, а другой семействомъ Корнеліевъ, а именно *П. Корнеліемъ Сципіономъ*, котораго отецъ, извѣстный *Сципіонъ Африканскій старшій*, женатъ былъ на родной сестрѣ Л. Павла Эмилія т. е. на теткѣ *Сципіона младшаго*. Сципіонъ младшій родился въ 185-мъ году до Р. Х. (¹) и получилъ отъ отца своего Эмилія самое тщательное воспитаніе; онъ былъ вполнѣ ознакомленъ какъ съ римскою, такъ и съ греческою литературами. Еще на осьмнадцатомъ году своей жизни онъ сопутствовалъ отцу своему въ знаменитомъ походѣ македонскомъ, и здѣсь, при преслѣдованіи враговъ, обнаружилъ рьяную храбрость и за-

(¹) Т. е. за два года до смерти дѣда своего; и поэтому онъ и говоритъ въ I гл., что онъ знаетъ своего дѣда болѣе изъ его портрета, нежели изъ дѣйствительности.

пальчивую удаль. По окончаніи войны, объѣхавъ всю Грецію, онъ возвратился въ Римъ и снова предался ученымъ занятіямъ; стоическій философъ *Панетій*, историкъ *Полибій*, стихотворцы *Луцилій* и *Терентій*, и *Лелій*, прозванный *мудрымъ*, были его друзьями и постоянными собесѣдниками, а Ксенофонтова *Киропедія* — его любимымъ чтеніемъ. На 34 мъ году онъ въ качествѣ военнаго трибуна участвовалъ съ консуломъ Лукулломъ въ испанской войнѣ и получилъ за взятіе города Интеркатіи стѣнную (muralis) корону ([1]). Отсюда Лукуллъ его послалъ въ Африку къ старому *Масиниссѣ* просить у него слоновъ и вспомогательнаго войска, и онъ пріѣхалъ къ Масиниссѣ именно въ тотъ самый моментъ, когда тотъ вступилъ въ сраженіе съ Газдрубаломъ. Благородный Римлянинъ остановился на горѣ, съ которой могъ удобно обозрѣвать всѣ движенія сражающихся; и ему, какъ онъ самъ говоритъ, представилось такое же пріятное зрѣлище, какимъ нѣкогда, во время троянской войны ([2]), наслаждались Зевесъ, глядя на борьбу съ горы Иды и Нептунъ съ Самоѳракіи. Въ самомъ началѣ третьей пунической войны, онъ пріѣхалъ въ Африку въ званіи простаго военнаго трибуна. Онъ былъ очень внимательно принятъ *Масиниссою*, который дѣду его много обязанъ былъ своимъ возстановленіемъ въ царскомъ достоинствѣ и пріобрѣтеніемъ значительныхъ областей отъ Сифакса. Здѣсь-то, какъ говоритъ Цицеронъ, онъ имѣлъ

([1]) За спасеніе жизни, римскому гражданину, награждали гражданскою (civica) короною; за взятіе города стѣнною; за взятіе корабля корабельною (navalis); и за взятіе лагеря лагерною (castrensis corona).

([2]) См. Hom. Il. VIII, 47 и XIII, 12.

вышеприведенное таинственное и пророческое сновидѣніе. Черезъ 2 года онъ былъ избранъ консуломъ, разрушилъ въ 146 году Карѳагенъ и, подобно дѣду, получилъ почетное прозваніе *Африканскаго.* При видѣ горящаго Карѳагена, онъ, предвидя судьбу своего отечества, невольно произнесъ стихи изъ Гомеровой Иліады (VI, 448):

Ἔσσεται ἦμαρ, ὅτ᾽ ἄν ποτ᾽ ὀλώλῃ Ἴλιος ἱρὴ,
καὶ Πρίαμος καὶ λαὸς ἐϋμμελίω Πριάμοιο.

Будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя;
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.

Возвратившись въ Римъ, онъ былъ избранъ вмѣстѣ съ Муміемъ, извѣстнымъ разрушителемъ Коринѳа, въ цензоры и исправлялъ эту должность съ безпощаднымъ правосудіемъ. Потомъ объѣхалъ, какъ легатъ, Азію и Африку, чтобы узнать состояніе этихъ земель. Въ отсутствіе свое, онъ былъ вторично избранъ консуломъ и въ этомъ званіи посланъ въ Испанію противъ Нуманціи. Городъ этотъ уже 14 лѣтъ сопротивлялся римскому оружію. Нумантійцы наносили Римлянамъ постоянныя пораженія и неоднократно принуждали римскихъ полководцевъ къ постыднымъ договорамъ. Сципіонъ пріѣхалъ въ Испанію: возстановилъ строгій порядокъ и дисциплину въ войскѣ, и, послѣ пятнадцатимѣсячной осады, разрушилъ (въ 133 г.) этотъ знаменитый городъ и получилъ новое титло *Нумантійскаго.* Этотъ новый подвигъ поставилъ его на высочайшую степень славы. Онъ былъ теперь главою аристократіи, которая видѣла въ немъ свою главную опору. И дѣйствительно, по возвращеніи въ Римъ, онъ сталъ въ числѣ антагонистовъ мятежнымъ родственни-

камъ своимъ, Гракхамъ. Въ публичной рѣчи своей онъ прямо высказалъ, что Тиберія Гракха постигла смерть заслуженная. Это лишило его народной привязанности и любви. Онъ защищалъ свое мнѣніе въ народномъ собраніи; возмущенный народъ угрожалъ ему смертію; но сенатъ и Латинцы торжественно провели его домой. (См. II гл.). Но участь его была уже рѣшена; недоставало только повода къ обнаруженію народной вражды къ знаменитому полководцу. Случай этотъ скоро представился. Однажды Сципіонъ имѣлъ сильный споръ съ Фулвіемъ Флаккомъ о раздѣленіи полей, и, не окончивъ его, онъ обѣщался на другой день возобновить это дѣло. Но утромъ этого дня нашли его мертвымъ на постелѣ (въ 129 г.). — И такъ предсказанный ему 56-й годъ былъ дѣйствительно *роковымъ* годомъ его жизни. Слѣдствія объ его убіеніи не было произведено, и поэтому до сихъ поръ неизвѣстно: его ли жена, Семпронія, сестра Гракховъ, или Фулвій Флаккъ, или Папирій Корбонъ, или кто другой былъ виновникомъ его смерти. Долго его гробница стояла близь Ватикана; но папа Александръ VI приказалъ разломать ее, для возведенія, на ея мѣстѣ, новыхъ построекъ. Но память объ этомъ великомъ мужѣ никогда не истребится; имя его будетъ вѣковѣчнымъ достояніемъ исторіи.

2.

Когда ты проживешь семью-восемь солнечныхъ теченій и возвращеній, когда оба эти числа (изъ которыхъ и то и другое, каждое по особымъ причинамъ полно) совершатъ роковую твою сумму; тогда къ тебѣ одному и къ твоему имени обра-

тится все государство и пр. (Гл. II) — *Число семь есть связь всѣхъ вещей*. (Гл. V).

Числа составляютъ переходъ отъ тѣлеснаго къ умственному; все состоитъ изъ чиселъ; ими обусловливается гармонія и связь всего существующаго; по нимъ расположены всѣ предметы, они суть самыя субстанціи всѣхъ предметовъ, они обнимаютъ все видимое и умственное.

Такъ учили *Пиѳагоръ* и *Филолай*; тоже ученіе перешло въ философію Платона; Римляне также находили въ числахъ связь вселенной. И у насъ математикъ выражаетъ числами свои идеи. Есть люди, которые и нынѣ съ полнымъ убѣжденіемъ приписываютъ числамъ какую-то тайную, магическую силу и вліяніе на человѣческую судьбу, счастіе и несчастіе.

Я долженъ здѣсь повторить, что, при нижеслѣдующемъ моемъ толкованіи этого мѣста, буду руководствоваться Макробіемъ и Фавоніемъ. Правда между учеными ихъ примѣчаніями есть положенія и произвольныя и чисто мистическія, но тѣмъ-то онѣ и любопытны; и нельзя не удивляться той изворотливости ихъ ума, съ которою строятъ они доказательства надъ доказательствами. А что въ нихъ неосновательнаго и невѣрнаго, — объ этомъ можетъ судить всякій, сколько нибудь знакомый съ нынѣшнимъ состояніемъ нашихъ наукъ.

Числа, говорятъ эти комментаторы, основываясь на Пиѳагорѣ, образуютъ переходъ отъ тѣлеснаго къ умственному слѣдующимъ образомъ: тѣло ограничено; граница находится при тѣлѣ, не составляя самаго тѣла; границею тѣла называется плоскость, границею плоскости линія, границею ли-

нія точка. Все это математическія тѣла, а не дѣйствительно существующія. Источникъ всего есть точка, т. е., единица, или такъ называемая *монада*; ея продолженіе до другой образуетъ линію = 2; соединеніе двухъ линій шириною образуетъ плоскость = 4; соединеніе двухъ плоскостей вышиною — тѣло или кубъ = 8. И такъ 8 есть то число, которымъ выражается тѣло: оно же кубъ перваго числа (единица не число, а только источникъ всѣхъ чиселъ; см. ниже); ибо дважды дважды два составятъ восемь. Числомъ 8 выражали Пиѳагорейцы юстицію, т. е., справедливость, ибо какъ ни дѣли его — оно до монады всегда равно и на четныя числа дѣлится. И такъ отъ 1 до 9, послѣдняго простаго числа, нѣтъ числа болѣе четнаго, какъ восемь.

Такое же высокое значеніе имѣетъ и число *семь*. Чтобы вполнѣ его оцѣнить, разсмотримъ вопервыхъ его составныя части, а потомъ и это число само въ себѣ. Оно состоитъ вопервыхъ изъ единицы и шести. Эта *единица* или *монада*, какъ сказано выше, сама не число, но начало и источникъ всѣхъ чиселъ, и по этому древніе философы имъ выражали божество и душу, которыя также, какъ и монада, не составлены, недѣлимы, а суть источникъ всего. Единица есть и четъ и нечетъ, или, какъ древніе говорили, mas et femina, т. е., мужъ и жена. А число *шесть* имѣетъ то отличіе, что оно составляется изъ своихъ собственныхъ частей. Его половина 3, его треть 2, его шестая доля 1; сложивъ вмѣстѣ 3 + 2 + 1, получимъ шесть. (Этого свойства не имѣетъ никакое другое простое число; возьмите, напр., число 8: его половина 4, его четверть 2 и его осьмая часть единица и всѣ

вмѣстѣ составляютъ только семь; такъ и пр.) И такъ оба эти таинственныя и совершенныя числа, единица и шесть, составляютъ — *семь*.

Во вторыхъ, семь составляется изъ двухъ и пяти. *Два*, какъ я сказалъ, первое наше число, оно четное и femina, оно противоположно единицѣ; единица означаетъ источникъ всего, а число два выражаетъ міръ. Изъ соединенія двухъ началъ: умственнаго и вещественнаго ($\mathring{\upsilon}\lambda\eta$) сотворенъ видимый міръ. А другое число *пять* мы видимъ всюду: число это исчерпываетъ все бытіе вселенной: подъ нимъ разумѣются: всемірная душа, небо и земля; на небѣ *пять* планетъ; у человѣка *пять* чувствъ; войско и народъ всегда дѣлятся на пять; наконецъ число *пять* составлено изъ двухъ и трехъ, первыхъ и главнѣйшихъ чиселъ. А *пять* и *два*, оба совершенныя числа, составляютъ — *семь*.

Въ третьихъ, семь составляется изъ трехъ и четырехъ. *Три* — первое мужеское т. е. нечетное число, которое обнаруживается въ многоразличныхъ явленіяхъ и свойствахъ бытія. Такъ временъ *три*: прошедшее, настоящее и будущее; *три* богини судьбы: Клото, Лахезисъ и Атропа; *три* рода именъ: мужескій, женскій и средній; *три* измѣренія тѣлъ: длина, вышина и ширина. Это *крѣпкое* число, потому что въ немъ двѣ единицы соединены третьею, связующею единицею; но еще крѣпче связано число *четыре*, которое имѣетъ для перехода и связи два числа (2 и 3). Когда Богъ сотворилъ міръ, говоритъ Платоновъ Тимей Л., то онъ захотѣлъ его сдѣлать ощутительнымъ и видимымъ, и поэтому онъ со-

творилъ двѣ стихіи: землю и огонь. Ихъ соединеніе и примиреніе объусловливается еще двумя стихіями: водою и воздухомъ. Эти четыре стихіи соединены между собою общими свойствами слѣдующимъ образомъ: земля суха и холодна, вода холодна и сыра (и поэтому вода связывается съ землею посредствомъ общаго качества, — холода; воздухъ сыръ и тепелъ (поэтому онъ соединяется съ водою посредствомъ сырости); наконецъ огонь тепелъ и сухъ (т. е. онъ связывается съ воздухомъ теплотою, а съ землею сухостію). Другими словами: вода соединена съ землею и воздухомъ посредствомъ холода и сырости и т. д. Изъ этого способа соединенія стихій видно, что въ числѣ — 4 всѣ части (1 и 2; 2 и 3; 1 и 3; 1 и 4; и т. д.) твердо между собою соединены; и оба крѣпко связанныя числа, *три* и *четыре* вмѣстѣ составляютъ *семь*; слѣдовательно семь есть вдойнѣ связанное число. Далѣе, если мы соединимъ 4 математическія тѣла: точку, линію, плоскость и кубъ, тремя измѣреніями: вышиною, шириною и длиною: то получимъ дѣйствительное тѣло. Слѣдовательно, тѣло состоитъ изъ *трехъ* и *четырехъ*, или изъ *семи*.

И само по себѣ число *семь* есть наиболѣе важное; потому-то оно и называлось въ древности не ἑπτάς, но σεπτάς, отъ σέβεσθαι (уважать, обожать) (¹). Древніе называли его Pallas Minerva, потому что, какъ эта богиня не родилась отъ равныхъ и подобныхъ ей существъ, но вышла прямо изъ главы Юпитера, и осталась всегда дѣвственною; точно также

(¹) См. Etymologicon Magnum.

и число семь не происходитъ изъ числъ равныхъ, и его нельзя удвоить (14 уже не простое число, а всѣ прочія простыя числа, или происходятъ, или производятъ).

Такъ какъ многіе древніе философы, слѣдуя ученію *Пиѳагора*, все видимое и невидимое, божество и міръ, душу и тѣло, выражали и означали числами; то, естественно, и всемірную душу должны были они опредѣлять также числами. Эта душа, которая должна почитаться началомъ сотвореннаго міра, и которая заключаетъ въ себѣ составные элементы вселенной, состоитъ, по Платонову Тимею Л., изъ числа семи. Первое мѣсто здѣсь занимаетъ единица или монада, т. е., самое божество. Изъ нея образуется весь тѣлесный міръ. Тѣло, какъ сказано выше, выражается кубическимъ числомъ. Платонъ, чтобы означить всѣ возможныя тѣла, взялъ два куба, кубъ четнаго (женскаго) числа и кубъ нечетнаго (мужескаго) числа; и производилъ изъ монады двѣ нисходящія линіи, изъ которыхъ одна означалась четнымъ, другая нечетнымъ кубами; такъ что всѣ семь чиселъ вмѣстѣ, т. е., монада и два куба, или, по его словамъ, божество и дѣйствительныя тѣла — образовали и означали всемірную душу; это видно изъ изображенія, представленнаго подъ N° 1.

Число семь встрѣчается и на небѣ и на землѣ. Есть *семь* сферъ: сферы пяти планетъ, солнца и луны (а земля недвижима) — мѣсяцъ измѣняется по семи разъ: (и съ измѣненіями его соглашается приливъ и отливъ океана): въ первые семь дней онъ увеличивается до половины, во вторые до полнолунія, и т. д.; въ 28 дней онъ совершаетъ свое

обращеніе; а кромѣ того два дня ему всегда еще нужны, чтобы догнать опять солнце, потому что, если онъ оставилъ солнце, при своемъ рожденіи, напр. въ Овнѣ, то черезъ 28 дней найдетъ его уже въ слѣдующемъ знакѣ, въ Тельцѣ. — Солнце измѣняетъ времена года, достигнувъ *седьмаго* небеснаго знака. — Время раздѣляется на *три* части: годы, мѣсяцы и дни; а каждая изъ этихъ частей на *четыре*: 4 времени года, 4 недѣли, 4 части дня. И такъ время измѣряется числами 3 и 4.

Число *семь* господствуетъ не только на небѣ, но и на землѣ; оно не остается безъ вліянія и на людей. Не говоря объ измѣненіяхъ зародыша по *семи* фазамъ, укажемъ на родившагося уже человѣка. Послѣ *семи* мѣсяцевъ появляются у него зубы; послѣ 2 × 7 онъ пріучается сидѣть; послѣ 3 × 7 — выговаривать первыя слова; послѣ 4 × 7 онъ начинаетъ стоять и ходить. Послѣ 7 годовъ смѣняются у него первые зубы; послѣ 14 годовъ начинается возмужалость; послѣ 3 × 7 г. человѣкъ перестаетъ рости въ вышину; послѣ 4 × 7 — въ толщину; въ 5 × 7 совершается полное и совершенное развитіе и процвѣтаніе всѣхъ его силъ; съ 42-го года начинается постепенное ослабленіе силъ; съ 49-го онъ пріобрѣтаетъ мудрость, — и тогда-то долженъ служить государству не столько тѣлесными силами, сколько своимъ умомъ, своими совѣтами; а 10 × 7 составляетъ грань и предѣлъ жизни. Кромѣ того у человѣка *семь* членовъ для дыханія и принятія пищи, *семь* наружныхъ частей тѣла, *семь* отверстій для чувственныхъ органовъ и *семь* различныхъ направленій движенія.

Вотъ положенія, которыя приводила древняя философія

въ подтвержденіе того, что числа *семь* и *восемь* полны и совершенны, и вотъ почему Сципіонъ младшій, достигнувъ семью восьми годовъ, не смотря на то, что онъ удостоенъ диктаторства, и что взоры всѣхъ на него будутъ обращены, долженъ былъ кончить свою земную жизнь.

3.

Тѣ живутъ, которые изъ тѣлесныхъ узъ, какъ будто изъ темницы, вылетѣли: ваша же жизнь, какъ вы ее называете, есть смерть. (См. III гл.)

Изъ этой главы видно, что древніе не только вѣровали въ безсмертіе души; но и не сомнѣвались, что она въ будущей жизни или будетъ награждена блаженствомъ за свои добродѣтели, или наказана мученіями за свои грѣхи и злодѣянія. Но не надобно забывать, что у древнихъ было два рода вѣрованія въ безсмертіе души: одно *поэтическое* или народное, а другое *философское*. Первое образовалось на основаніи стихотвореній Гомера, Гесіода (¹) и трагиковъ, и было народною фантазіею раскрашено многими поэтическими вымыслами и миѳами. Греки думали, что души усопшихъ, оставивъ тѣло, оставляютъ и землю, и переводятся Меркуріемъ въ адъ, при входѣ въ который Харонъ перевозитъ ихъ, за оболъ (3 коп. сер.), черезъ рѣку Стиксъ. Переѣхавъ черезъ нее, они пьютъ воду изъ другой рѣки, *Леты*, и забываютъ всю свою прежнюю жизнь. Въ подземномъ царствѣ обитаетъ богъ *Аидесъ* (*Плутонъ*) и его жена, *Прозерпина*; тамъ же засѣдаютъ судьи: *Миносъ*, *Эакъ* и *Радамантъ*; они присуж-

(¹) См. Hom. Odyss. XI и Hesiod. Theog. 726 и д.

даютъ праведныхъ къ блаженной жизни въ элисейскихъ поляхъ или на счастливыхъ островахъ (fortunatae insulae), а преступниковъ — къ вѣчнымъ мученіямъ въ Тартарѣ, иногда чрезвычайно жестокимъ и страннымъ, каковы напр. мученія *Сисифа* и *Тантала*. По мнѣнію Гомера души живутъ тамъ, какъ тѣни, какъ дымъ, не имѣя ни крови, ни плоти, ни голоса. Одинъ только прорицатель *Тиресій* имѣетъ преимущество, ему оставлена память и предсказанія. *Одиссей*, желая узнать судьбу своего плаванія, отправляется на кораблѣ на самый западъ Европы, къ мѣсту, лежащему насупротивъ самаго восхода солнца, вызываетъ посредствомъ жертвоприношенія Тиресія; и видитъ тамъ его. своихъ родственниковъ и другихъ, павшихъ при осадѣ Трои героевъ. Вообще древніе полагали, что жизнь въ адѣ есть продолженіе земной жизни, что люди оттуда никогда не возвращаются и что умершихъ можно изъ ада вызвать жертвоприношеніями и заклинаніями. Такъ образовалась *некромантія* или ученіе о способахъ вызывать умершихъ изъ ада.

Отъ этихъ поэтическихъ и народныхъ миѳовъ отличаются мнѣнія *философовъ*. Эпикурейцы думали, что со смертію тѣла гибнетъ и наша душа. Стоики вѣрили въ будущую жизнь души, но не вѣчную. По словамъ Платона, наша душа, освободившись отъ тѣлесныхъ узъ, въ которыхъ она находится какъ въ темницѣ, продолжаетъ въ горнемъ мірѣ свою жизнь совершенно такъ, какъ здѣсь жила: если она здѣсь не исполняла законовъ, то ее въ адѣ ожидаетъ наказаніе; если же она на землѣ стремилась къ добродѣтели и была проникнута мудростію, справедливостію, муже-

ствомъ и умѣренностію, то Радамантъ пошлетъ ее на счастливые острова ([1]).

Другіе изъ философовъ приняли, образовавшееся въ Египтѣ и Индіи, вѣрованіе въ *метемпсихозисъ*, т. е., въ ученіе о переселеніи душъ. Такъ Пиѳагоръ говорилъ, что его душа была когда-то въ троянскомъ воинѣ Евфорбѣ, изъ него перешла потомъ къ Гомеру, потомъ къ нему. А Энній, продолжая эту родословную, думалъ, что Пиѳагорова душа перешла въ павлина и оттуда къ нему, Эннію, такъ что онъ былъ пятымъ владѣтелемъ той же души ([2]). Въ этой увѣренности онъ утвердился послѣ того, какъ на Парнасѣ ему во снѣ явился Гомеръ, и перешедшая къ нему Гомерова душа побудила его поэтически возпроизвести великихъ сыновъ Рима ([3]).

Наконецъ пантеистическимъ и общимъ мнѣніемъ у образованныхъ Грековъ было, что наша душа состоитъ изъ эфира, и послѣ сожженія тѣла опять въ эфиръ превращается. А изъ этаго мнѣнія развилась мысль, что наша душа происходитъ изъ созвѣздій, и, проживъ свое время на землѣ, опять туда возвращается. Это было мнѣніемъ Платона ([4]); его также высказалъ Цицеронъ въ *Сновидѣніи Сципіона*.

Что касается до сущности души, то Цицеронъ считаетъ ее небесною, божественною искрою «Deum te igitur scito esse»; знай, что ты божественъ, говоритъ онъ, твоя душа возвратится опять туда, откуда вышла. А Сципіонъ стоялъ тогда на небѣ, на млечномъ пути. Макробій объясняетъ это

([1]) Plat. Phaed. 113 D; Polit. X, 165.
([2]) См. Pers. Sat. VI, 10; Enn. Ann. 5; Hor. I, 28, 10.
([3]) См. Снов. Сцип. II.
([4]) Tim. 42. B.

слѣдующимъ образомъ: какъ скоро душа назначается для земной жизни, то она должна нисходить съ неба и пройти прежде всѣ сферы, пока дойдетъ до земли. Въ небѣ двое воротъ: знакъ Рака и Козерога; черезъ первые души выходятъ, черезъ другіе возвращаются. Въ каждой сферѣ, чрезъ которую душа проходитъ, она принимаетъ какое нибудь земное свойство, напр. въ сферѣ Юпитера она получаетъ дѣятельную силу, въ Венерѣ — страсти къ удовольствіямъ, въ Меркуріѣ — способность говорить, въ Лунѣ — растительность и т. д. А такъ какъ мы происходимъ изъ млечнаго пути: то и наша первая пища на землѣ, говоритъ Пиѳагоръ — молоко. Наше назначеніе здѣсь на землѣ — «*γνῶϑι σεαυτόν*» познавать самаго себя, поборать страсти и стремиться къ Высочайшему. Будь бодрѣе при защитѣ государства, говоритъ Цицеронъ, эта добродѣтель награждается по смерти; однѣ только добродѣтели даютъ право надѣяться на будущую блаженную жизнь; и какъ одни только философы, говоритъ Платонъ, могутъ постигать высшія добродѣтели, то одни только философствующіе могутъ дѣлаться счастливыми. Эти добродѣтели, въ которыхъ имъ нужно здѣсь упражняться, суть слѣдующія: мудрость, которая распознаетъ высшее, умѣренность, которая научаетъ презирать земное, справедливость во всѣхъ поступкахъ, и храбрость, которая и смерти не страшится.

Хотя наша жизнь, какъ говоритъ Цицеронъ, смерть, и хотя тѣло составляетъ оковы и темницу души, но никому не позволено самовольно эти оковы сбрасывать съ себя. Платонъ различаетъ въ *Федонѣ* два рода смертей, одну тѣлес-

ную, а другую душевную. Душевная состоитъ въ побореніи страстей; это философская смерть, ея мы должны желать и къ ней обязаны стремиться во всю жизнь. А тѣлесная смерть зависитъ единственно отъ Бога, и если бы кто нибудь покусился освободить насильственнымъ образомъ душу отъ тѣла, то она сама, еще не очистившись отъ тѣлеснаго свойства, должна также, какъ, и души преступныхъ, много столѣтій, какъ говоритъ Цицеронъ въ заключеніи, *блуждать* около земли и около своего тѣла. Вотъ тѣ привидѣнія, которыя, по Макробію, скитаются ночью по землѣ — вѣрованіе, сохранившееся и до нашихъ вѣковъ между *простолюдинами*. Напротивъ того души, которыя очистились отъ земныхъ страстей, возвращаются опять на небо; но тоже постепенно восходя по семи сферамъ, по которымъ низошли, и оставляя въ каждой по одному земному недостатку; а тамъ въ небѣ, онѣ наконецъ наслаждаются вѣчною, дѣйствительною жизнію.

4.

Вся вселенная состоитъ изъ девяти круговъ, или, правильнѣе сказать, шаровъ и пр. (См. IV гл.).

Цицеронъ представляетъ здѣсь краткое описаніе міровой системы, основываясь на вѣковыхъ наблюденіяхъ. Колыбелью астрономіи считается по всей справедливости *Халдея*: Александръ В. выслалъ оттуда Аристотелю, въ теченіе 2000 лѣтъ сдѣланныя, наблюденія. Халдеи же были (какъ нынѣ Гротефендъ доказалъ) изобрѣтателями зодіака и 12 небесныхъ знаковъ. Астрономіею же занимались искони Египтяне и Индійцы. Въ Греціи она была связана съ философіею и мы встрѣчаемъ первыя астрономическія попытки въ іонической школѣ: *Ѳалесъ* училъ, что земля въ

центрѣ вселенной, и предсказалъ первое солнечное затмѣніе. *Анаксагоръ* говоритъ, что солнце — огненная масса, величиною нѣсколько больше Пелопонеза, и объяснялъ лунныя затмѣнія. *Пиѳагоръ* пошелъ далѣе. Онъ училъ, что вселенная кругла и въ срединѣ заключается земля, а она также кругла и шарообразна; отъ того и подъ нами есть люди, которые называются *антиподами*. Онъ же открылъ, что мѣсяцъ свѣтъ свой заимствуетъ отъ солнца, и раздѣлилъ какъ небо, такъ и землю на 5 поясовъ. Онъ предполагалъ даже, что земля обращается вокругъ т. н. центральнаго огня. *Евдоксъ* (360 до Р. X.), отвергнувъ спекулативныя теоріи своихъ предшественниковъ, обратился къ дѣйствительнымъ наблюденіямъ, и указалъ путь къ дальнѣйшему ихъ развитію. Важнѣйшее *Аристотелево* сочиненіе «объ астрономіи» къ сожалѣнію погибло; но нѣкоторые космологическіе намеки находятся въ его сочиненіи «о небѣ», гдѣ онъ не только принимаетъ, но и доказываетъ шарообразную форму небесныхъ свѣтилъ и земли, и является первымъ объяснителемъ закона о тяготѣніи земли къ центру; но у него земля все-же стоитъ неподвижно. *Аристархъ* (260) показалъ геометрическій способъ, какъ измѣрить разстояніе между солнцемъ, луною и землею; *Аратъ* (270 г.), не сдѣлавъ самъ никакихъ наблюденій, написалъ большое стихотвореніе объ астрономіи. *Архимедъ* показалъ способъ, какъ измѣрить діаметръ солнца. Щедрость египетскихъ царей снабдила *Эратосѳена* (220) всѣми инструментами для астрономическихъ наблюденій и вычисленій. Онъ-то и вычислилъ разстояніе солнца отъ земли (около 800 милліоновъ стадій или 17 милліоновъ миль) и луны отъ земли (около 780,000 стадій или 16 тысячъ

миль) и діаметръ земли (1852 мили) и наблюдалъ эклиптику. *Гиппархъ* (125 г. до Р. Х.) обратилъ свое вниманіе на теченіе солнца и опредѣлилъ годъ въ 365 д. 5 ч., 55 м. *Страбонъ* и *Птоломей*, главнѣйшій астрономъ древности, жили уже послѣ Цицерона, и потому подробная критика ихъ сочиненій не можетъ входить въ составъ настоящей статьи. Но такъ какъ они и Цицеронъ заняли свои познанія по большей части отъ предшественниковъ, то показанія ихъ довольно складны и между собою сходны.

Цицеронъ представляетъ себѣ, какъ ясно изложено въ *Сновидѣніи Сципіона*, 9 сферъ; изъ нихъ 8 движутся, а девятая, земля, составляя общій центръ всѣхъ прочихъ осьми круговъ, заключается въ срединѣ и стоитъ недвижимая. (См. изображ. N° 2).

Верхній кругъ, всеобъемлющій, есть небо, которое имѣетъ силу самодвиженія, потому что оно вѣчно и заключаетъ въ себѣ міровую душу, изъ которой происходятъ наши души: это самъ Юпитеръ, а подъ нимъ находящійся воздухъ — Юнона. Имъ зиждутся и поддерживаются и звѣзды и созвѣздія, и 12 знаковъ, и млечный путь. Его вліянію подчинены семь круговъ, обратно или противоположно обращающихся, т. е., между тѣмъ какъ небо двигается отъ востока къ западу, другія планеты двигаются отъ запада къ востоку. *Макробій* это объясняетъ примѣрами солнца и луны: сперва восходитъ Овенъ, потомъ Телецъ, за нимъ Близнецы; если бы теперь солнце обращалось отъ Востока къ Западу, то ему бы надобно переходить изъ Близнецовъ къ Тельцу, а потомъ къ Овну; но оно находится въ Мартѣ въ Овнѣ, въ Апрѣлѣ въ Тельцѣ, и въ Маѣ въ Близнецахъ. Тоже долж-

но сказать и о Лунѣ: раждающійся мѣсяцъ видѣнъ на западѣ при закатѣ солнца; первая четверть при закатѣ солнца на срединѣ неба; а полный мѣсяцъ восходитъ при закатѣ солнца на востокѣ, насупротивъ самаго солнца. Или лучше: представьте себѣ колесо, на ободъ котораго всползъ муравей; колесо, положимъ, вертится 100 разъ отъ востока къ западу; а муравей между тѣмъ все ползетъ на ободѣ отъ запада къ востоку; и такъ онъ, слѣдуя общему движенію отъ востока къ западу, между тѣмъ все идетъ обратно.

У Цицерона слѣдуетъ за Сатурномъ, Юпитеромъ и Марсомъ, четвертая сфера — Солнце, потомъ Венера, Меркурій и Луна. Здѣсь у Цицерона небольшая разница съ Платономъ; потому что у послѣдняго Солнце заниметъ шестое мѣсто между Луною и Меркуріемъ. Различіе это произошло отъ того, что Меркурій и Венера, какъ спутники Солнца, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ него и между собою, и что они на вершинѣ своего круга кажутся выше Солнца, а внизу своего круга ниже Солнца. При томъ же Платонъ полагалъ, что Луна, заимствуя свой свѣтъ отъ Солнца, должна непосредственно находиться у своего источника, у Солнца.—За тѣмъ Цицеронъ говоритъ, что Солнце *почти* въ серединѣ всѣхъ сферъ. Это *почти* объясняетъ Макробій разстояніемъ небесныхъ свѣтилъ между собою: Сатурнъ совершаетъ свое обращеніе въ 30 годовъ, Юпитеръ въ 12, Марсъ въ 2, Солнце, Меркурій и Венера, почти одинаково, въ 1 годъ; а Луна въ 28 дней, такъ, что отношеніе между Луною и Солнцемъ можетъ быть опредѣлено какъ 1: 12, а между Солнцемъ и Сатурномъ какъ 1: 30.

Девятое мѣсто занимаетъ центръ всѣхъ круговъ, *Земля*;

она недвижима, кругла и привлекаетъ все къ себѣ своимъ тяготѣніемъ. Закономъ тяготѣнія доказываетъ *Аристотель*, что земля, привлекая все къ центру, должна быть шарообразна; и *Макробій* говоритъ, что еслибы не было тяготѣнія, то дождь, падая съ небеснаго круга, который гораздо шире земли, палъ бы съ неба опять въ небо, минуя землю. Но какъ этого никогда не бываетъ, — значитъ, земля привлекаетъ къ себѣ дождь и все прочее (напр. антиподовъ).

5.

Что это за сильный и пріятный звукъ поражаетъ мой слухъ? (См. гл. V).

Ударьте прутомъ по воздуху: вы услышите звукъ. Потому очень естественно показалось древнимъ, что какъ большія, такъ и малыя свѣтила, двигаясь съ неимовѣрною быстротою по воздуху, издаютъ звуки. Пиѳагоръ долго думалъ о причинѣ различія звуковъ. Но однажды, проходя мимо кузницы, и, услышавъ различные удары молотковъ, онъ открылъ слѣдующій законъ звуковъ: звуки различаются по тяжести молотка и быстротѣ удара; отъ молотковъ онъ сдѣлалъ примѣненіе къ струнамъ и такимъ образомъ объяснилъ теорію гармоніи. *Фавоній*, комментаторъ Цицерона, объясняетъ эту главу слѣдующимъ образомъ: Симфонія не можетъ состоять изъ одного тона, но по крайней мѣрѣ изъ двухъ. Если теперь натянуть первую струну гирею въ 6 х., а другую въ 8 х.; то этотъ интервалъ между ними называется *διὰ τεσσάρων* или epitritus, т. е. второй тонъ (наша кварта) относится къ первому, какъ 3 : 4. Другими словами: второй тонъ будетъ заключать въ себѣ первый и еще $\frac{1}{3}$. — Если за тѣмъ третію струну натянуть гирею въ 9 х.,

то второй интервалъ будетъ состоять изъ отношенія 6: 9 или 2: 3 и называется διὰ πέντε или ἡμιόλιος (наша квинта) т. е. третій тонъ будетъ состоять изъ перваго и ½. — Если же наконецъ четвертую струну натянуть гирею въ 12 х., то третій интервалъ будетъ состоять изъ отношенія 6: 12, и называется διὰ πασῶν или duplaris (наша октава), т. е., четвертый тонъ заключаетъ въ себѣ два раза первый тонъ. Между этими четырьмя тонами могутъ быть разныя симфоніи. Представьте себѣ инструментъ изъ 4-хъ струнъ (tetrachordus), и ударьте 1-ую и 2-ую струны или 3-ю и 4-ую, тогда вы получите первую симфонію, (состоящую изъ примы и кварты, или квинты и октавы) названную эпитритъ (см. въ фигурѣ N° 3. литеру A); или ударьте 1-ую и 3-ю или 2-ую и 4-ую струны, тогда услышите вторую симфонію διὰ πέντε или ἡμιόλιος (т. е. симфонію состоящую изъ примы и квинты или кварты и октавы) (см. литеру B); а изъ перваго и четвертаго тона выйдетъ симфонія, состоящая изъ примы и октавы и названная διὰ πασῶν (см. литеру C); а если соедините второй и третій, между которыми такое отношеніе какъ 8: 9, то услышите симфонію, состоящую изъ кварты и квинты, и названную ἐπόγδοος (см. D). Вотъ это — древнія 4 симфоніи на тетрахордѣ.

А всемірная музыка состоитъ изъ согласованія двухъ такихъ тетрахордовъ, т. е., 8 двигающихся сферъ; и вотъ тѣ пріятные и сильные звуки, которые слышалъ Сципіонъ.

Пиѳагоръ вычислилъ даже тонами разстояніе сферъ слѣдующимъ образомъ: Земля отстоитъ отъ Луны на одинъ тонъ, Луна отъ Меркурія на ½ тона, Меркурій отъ Венеры на ½ тона, Венера отъ Солнца на 1½ тона, Солнце отъ Мар-

са на 1 тонъ, Марсъ отъ Юпитера на ½ тона, Юпитеръ отъ Сатурна на ½ тона, и Сатурнъ отъ Урана на ½ тона; такъ что все разстояніе неба отъ земли образуетъ 12 полутоновъ или 6 тоновъ; и этими-то разстояніями, тономъ или полутономъ условливается и образуется всеобщая симфонія небесныхъ сферъ. Платонъ, основываясь на значеніи вышепоказанныхъ числъ, которыми онъ выражаетъ всемірную душу, принимаетъ другія разстоянія между сферами: отъ земли къ Лунѣ единицу (монаду); она, будучи взята вдвое, образуетъ разстояніе отъ земли къ Солнцу; разстояніе это идетъ въ трое — до Венеры, въ четверо — до Меркурія, въ девятеро — до Марса, въ восьмеро — до Юпитера, а послѣднее въ 27 разъ взятое, будетъ разстояніемъ до Сатурна, и въ этихъ самыхъ числахъ онъ видитъ тоже выше упомянутыя гармоніи, epitritum, hemiolium, epogdoum и проч. Возьмите любое между ними отношеніе 1: 2, 2: 3, 3: 4 и т д., — всегда между ними найдете одну изъ выше упомянутыхъ симфоній.

На томъ основаніи, что число семь составляетъ всемірную душу («это число есть связь всѣхъ вещей»), Цицеронъ принимаетъ *семь* симфоній въ *девяти* сферахъ; ибо земля не движется, а Меркурій и Венера издаютъ одинаковые звуки.

Гесіодъ и другіе космогонисты принимали согласно съ числомъ 8 двигающихся сферъ девять Музъ; осьмая называлась Уранія; а девятая Калліопа (т. е. изящный голосъ) означала всеобщую ихъ симфонію.

6.

Я вижу, что ты и теперь еще разсматриваешь мѣстопребываніе и жилище людей и пр. (См. VI гл.)

Въ этой главѣ излагаетъ Цицеронъ свои географическія понятія. Нѣкоторыя изъ нихъ были еще очень сбивчивы и недостаточны, но другія довольно вѣрны, и нѣкоторыя его предположенія (напр. объ антиподахъ) чрезъ 1500 лѣтъ дѣйствительно оправдались. Древнѣйшія географическія познанія восходятъ до *Гомера*; онъ себѣ представляетъ землю плоскимъ кругомъ, облитымъ со всѣхъ сторонъ Океаномъ и покрытымъ сверху твердою массою — небомъ. Ему навѣрное извѣстны были только Малая Азія и Греція; а Италія, островъ Огигія, жилище Калипсы и острова блаженныхъ душъ были закрыты для него миѳическимъ мракомъ. Хотя послѣдующіе за нимъ эпическіе стихотворцы и трагики больше знакомы были съ географіею, но они изъ желанія подражать ему придерживались его понятій. Географическія познанія значительно улучшены древнѣйшими историками (логографами) и путешествіями, предпринятыми съ ученою цѣлью, каковы напр. были путешествія *Ганнона*, *Гимилкона* и *Скилакса*. Правда у Геродота, Ѳукидида и Ксенофонта мы находимъ многія точныя географическія указанія, но онѣ только частныя, касающіяся именно тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходило сраженіе и куда проходило войско Греческое или непріятельское. Математическою географіею первый занялся *Евдоксъ*: онъ доказалъ шарообразность земли, раздѣлилъ ее на 60 частей или пять поясовъ. Много содѣйствовали къ распространенію географическихъ познаній походы Александра В. въ дальнѣйшія страны Азіи. *Пиѳагоръ* и *Платонъ* говорили о шарообразномъ видѣ нашей земли. *Аристотель* доказалъ это предположеніе луннымъ затмѣніемъ; онъ счи-

талъ землю недвижною и объяснялъ сферическую систему планетъ. Въ его время нѣкто *Пиѳеасъ* совершилъ морское путешествіе на сѣверъ Европы до острова *Ѳуле* (вѣроятно Исландіи). Съ *Эратосѳена* (ок. 200 г.) начинается уже систематическая географія. Онъ раздѣлилъ земной шаръ экваторомъ на 2 равныя части, провелъ отъ него на сѣверъ и на югъ по 8 параллельныхъ круговъ, и ихъ снова дѣлилъ на 7 меридіановъ. Такимъ образомъ онъ указалъ способъ опредѣлять мѣстоположеніе по его широтѣ и долготѣ. *Гиппархъ*, послѣдній географъ до Цицероновыхъ временъ, придерживается по большей части ученія Эратосѳена.

Цицеронъ представляетъ себѣ землю шарообразною, и, хотя это у него не прямо высказано, но его всемірная сферическая система изъ девяти круговъ или шаровъ (гл. IV), тяготѣніе земли со всѣхъ сторонъ (гл. V) и то, что есть люди, которые стоятъ насупротивъ насъ, и что земля объята и окружена поясами — все это, по моему мнѣнію, доказываетъ ясно, что онъ землю представлялъ шаромъ. Съ обѣихъ сторонъ нашей земли (на востокѣ и на западѣ) отъ сѣвернаго до южнаго полюса, говоритъ Цицеронъ, великій Океанъ; онъ же (прибавляетъ Макробій для объясненія слова «острова») раздѣляетъ землю тамъ, гдѣ экваторъ, на двѣ равныя части, такъ, что по его ученію вся твердая земля состоитъ изъ четырехъ частей или острововъ (нашего, южнаго, и двухъ противолежащихъ). Они снова прорѣзываются морями, озерами и рѣками, такъ что жилище людей похоже на пятна въ великомъ Океанѣ, какъ говоритъ Сципіонъ. Кромѣ того небо и земля раздѣляются на пять, другъ другу соотвѣтствующихъ, поясовъ: 1) средній, черезъ который прохо-

дитъ великій Океанъ, соединяющій восточную и западную свои части, и въ которомъ жаръ до такой степени нестерпимъ, что черезъ этотъ поясъ отъ насъ никакое извѣстіе не можетъ проходить къ югу отъ экватора; 2) два умѣренныхъ пояса, изъ которыхъ сѣверный населенъ нами, а южный неизвѣстно кѣмъ; и 3) два холодныхъ, гдѣ вѣчный ледъ и холодъ, и гдѣ Океаны, восточный и западный, встрѣчаются и въ слѣдствіе сильнаго столкновенія назадъ опять возвращаются.

И такъ, — продолжаетъ Сципіонъ Африканскій, — ты видишь, что вы населяете только одну незначительную часть всей земли, изъ которой твоя слава никакъ не можетъ дальше распространиться. Кромѣ того, земля не вѣчна, потому что самыя древнѣйшія наши историческія свѣдѣнія, говоритъ Макробій, не восходятъ далѣе 2000 лѣтъ, т. е., до временъ Нина и Семирамиды. Притомъ, отъ времени до времени повторяющіеся пожары и наводненія истребили письменные памятники. Но вѣроятно, что при такихъ всеобщихъ разрушеніяхъ нѣкоторыя частицы земли, какъ разсадникъ будущихъ племенъ, остаются невредимы, какъ это видно изъ Платонова *Тимея*, который въ Египтѣ у жрецовъ нашелъ наблюденія за нѣсколько тысячъ годовъ.

А въ заключеніе всего память людей слишкомъ коротка и не простирается даже на одинъ годъ. Такой великій годъ состоитъ изъ 15,000 нашихъ годовъ; и такъ какъ со смерти Ромула (т. е. съ того года, когда начался великій годъ) до года нашего разговора не прошло и 600 годовъ, такъ выходитъ, что еще не минула и одна двадцатая часть того великаго

года, когда солнце, всѣ планеты и звѣзды будутъ стоять опять на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояли при смерти Ромула.

7.

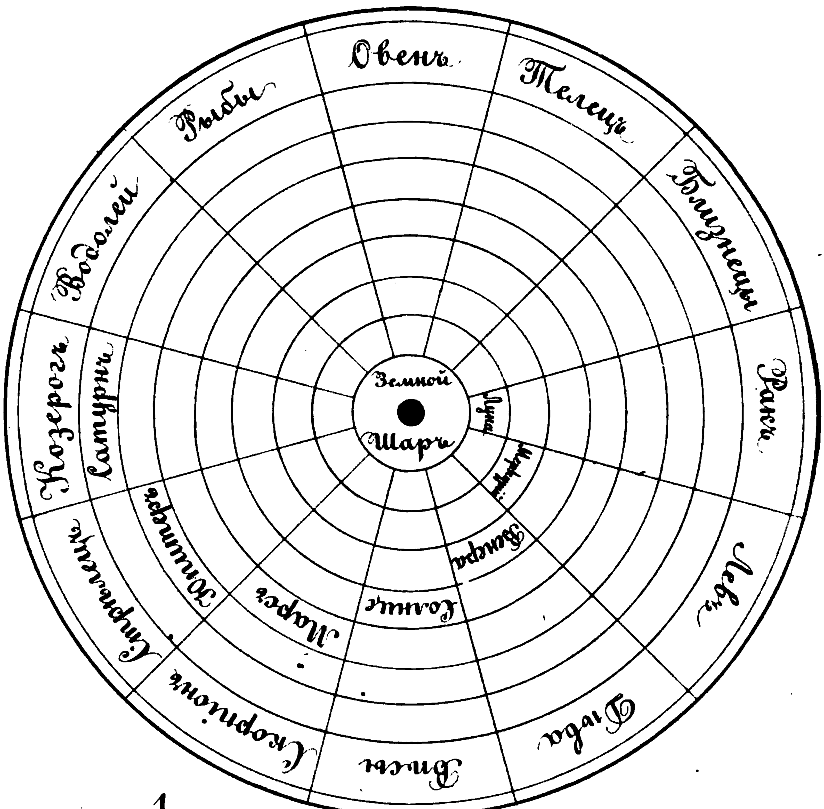
То, что всегда движется, вѣчно и пр. (См. гл. VIII).

Послѣдняя глава этого сновидѣнія доказываетъ безсмертіе души на томъ основаніи, что то вѣчно, что самосуще и что само себя движетъ; а какъ душа сама себя движетъ, то она вѣчна и безсмертна. Всю эту главу Цицеронъ не только заимствовалъ, но даже перевелъ почти слово въ слово изъ Платонова Федра (1). Но какъ все это философствованіе само собою ясно, то я и не присовокупляю здѣсь никакихъ примѣчаній.

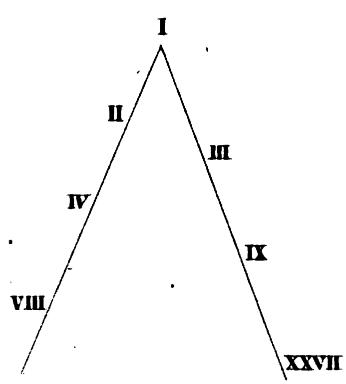
Макробій заключаетъ свой комментарій доказательствомъ что *Сновидѣніе Сципіона* есть совершеннѣйшее философское сочиненіе, потому что обнимаетъ *всѣ* три части (тогдашней) философіи: нравственную, физическую и раціональную. *Нравственная* часть та, гдѣ Сципіонъ Африканскій старшій ободряетъ своего внука къ любви и защитѣ своего отечества; *физическая* излагаетъ всемірную систему, сферы планетъ и описаніе земли; а *раціональная* доказываетъ безсмертіе души, ея наказаніе за преступную жизнь на землѣ, и вѣчное ея блаженство на небѣ за добрыя дѣла.

(1) Plat. Phaedr. p. 245.

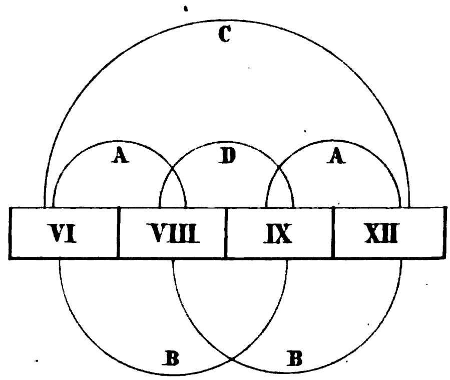
2.

Овенъ
Телецъ
Близнецы
Ракъ
Левъ
Дѣва
Вѣсы
Скорпіонъ
Стрѣлецъ
Козерогъ
Водолей
Рыбы
Земной
Шаръ
Луна
Меркурій
Венера
Солнце
Марсъ
Юпитеръ
Сатурнъ

1.

I
II
III
IV
IX
VIII
XXVII

3.

C
A
D
A
VI
VIII
IX
XII
B
B